

УДК 821.111 + 821.521

**ИМАГОЛОГИЧЕСКАЯ СТУДИЯ КАДЗУО ИСИГУРО:
«ПРЕДИСЛОВИЕ» К ИЗБРАННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ
ЯСУНАРИ КАВАБАТА**

Литературная имагология, изучающая этнообразы в художественных произведениях, сформировалась в период, когда на смену вере в реальность национального характера пришло представление о нем как о форме дискурса – политического, этнического, культурологического. Исследователи обратились к изучению репрезентации этнообразов «иногo» и авто-образов в художественных текстах, рассматривая их как своеобразный литературный троп.

Статья посвящена изучению концепции японскости в трактовке Кадзуо Исигуро, британского писателя японского происхождения. В «Предисловии» к английскому переводу избранных произведений Я.Кавабата, лауреата Нобелевской премии в области литературы (1968), Исигуро стремится не только объяснить англоязычному читателю особенности художественной манеры японского писателя, но и высветить главную проблему места писателя в современной культуре, так волновавшую его всегда.

Тот факт, что именно Исигуро было предложено написать предисловие к английскому переводу произведений Кавабата в издательстве Penguin в 1986 году, объясняется тем, что, несмотря на многоэтничность современной Великобритании, знаменитых японцев там почти нет. Кадзуо Исигуро стали считать экспертом по его родной стране. Это вызывало раздражение у писателя, поскольку означало закрепление его а priori, по фамилии и внешности, в рамках этнической литературы Великобритании. В одном из своих интервью он с вызовом, явно преувеличивая, отмечает, что о современной Японии он мало что знает: “By the second novel came out and I was starting to get known in Great Britain, I was very conscious that I was getting cast in this role as a kind of Japanese foreign correspondent in residence in London. Newspapers and magazines would call me up because there was a Japanese book to be reviewed or a Japanese issue that I could comment on, and I started to feel very uncomfortable because I knew very little about Japan”. [1, 128-129]

Раздражение писателя направлено против предписывания ему роли «японца». Он, как и В.Набоков, убежден, что писателя определяет не паспорт и не цвет кожи. Именно эта мысль пронизывает его «Предисловие» к произведениям классика японской литературы Я.Кавабата. К моменту его написания Исигуро уже утвердился на литературной арене Англии, выпустив два «японских» романа, “*A Pale View of Hills*”, 1982, (рус. перевод «Там, где в дымке холмы») и “*An Artist of the Floating World*”, 1986, (рус. перевод «Художник зыбкого мира») и несколько рассказов.

В «Предисловии» к романам Кавабата «Снежная страна» (1935-37, 1947) и «Тысяча журавлей» (1949-52) Исигуро выступает и как профессиональный критик (его университетские специальности «Английская литература и философия» и «Писательское мастерство»), и как писатель, размышляющий о механизмах создания и функционирования художественного произведения. Кроме того, Исигуро проявляет себя и как художник, способный понять чужеродность для англоязычного читателя отдельных элементов переведенного на английский язык текста.

Это «Предисловие» можно с уверенностью назвать имагологической студией автора: здесь он намного отчетливее, чем в своих собственных произведениях, выражает мысли об особенностях японского национального характера, японской культуры, мировоззрения, литературы. В этом небольшом – на три страницы – исследовании Исигуро преследует основную цель: предупредить читателя о возможных сложностях при прочтении текстов и убедить его в том, что эти сложности легко преодолеть. Еще одной важной, хоть и скрытой, задачей Исигуро, является подсказка и читателю его собственных произведений. Исследователи творчества Исигуро обращают внимание на то, что он гораздо меньше, чем другие современные писатели, комментирует и разъясняет свои романы. «Предисловие» в этом смысле является исключением: здесь писатель непосредственно обращается к читателям, и поэтому его, по словам Б.Льюиса, можно рассматривать как «инструкции о том, как читать его собственные произведения» [7, 19].

Открывается предисловие намеренно экзотизированным и отчужденным взглядом на романы Кавабата: Исигуро говорит, что они посвящены вещам, абсолютно неизвестным западному читателю: жизни деревенской гейши и чайной церемонии, а значит, неудивительно, если они покажутся «изошренно иными» (“bafflingly foreign”, [4, 1]). Здесь он указывает на малознакомые иностранным читателям описания японских интерьеров и тут же опровергает предположение, что культурные отличия помешают понять романы.

Но если незнание особенностей жизни гейш или чайной утвари вряд ли приведут к существенным ошибкам в интерпретации текста, то намного большей представляется Исигуро опасность того, что читатель не сможет понять природы конфликта между героями, предположив, что их поведение основывается на иных, чем у западного читателя, морально-этических нормах. Исигуро советует читателями не делать вежливую скидку на инаковость японскости, а судить о них, исходя из собственных представлений о должном и дозволенном. Так он показывает, что, несмотря на внешние отличия, внутренние доминанты восточной и западной культур все-человечны.

Писатель неоднократно подчеркивает, что та или иная особенность текста, например, странное одержимое поведение героев или неловкие экспозиции с нагромождением «треугольных» отношений между ними являются в первом случае особенностью, а во втором – недостатком

индивидуального стиля Кавабата, но никак не чертами японской культуры и литературы.

Исигуро делает также ряд замечаний об особенностях японской художественной прозы. Он указывает на особенность японской литературной традиции: незначительность внешнего сюжета, особая функция «характера». Знаменательно, что и исследователи творчества Исигуро находят сюжеты его «японских» романов достаточно невыразительными и связывают эту черту их поэтики с влиянием японской литературной традиции. Однако сам писатель придерживается иного мнения. В одном из интервью он говорит о наличии в его произведениях «сильного сюжета» и «трехмерных героев» в противоположность японской «дневниковости» и «невыразительному повествователю» (“indistinct narrator”) (цит. по [8, 18]). Характерно, что после 1980-х гг. писатель, действительно, отходит от проблематики японской национальной идентичности, и его романы обретают сюжетный динамизм, пик которого, на наш взгляд, приходится на роман «Когда мы были сиротами» (*When We Were Orphans*, 2000), который некоторые исследователи определяют как жанр романа-квеста. Однако в своих ранних произведениях Исигуро воссоздает японскость не только на тематическом уровне, но и на поэтологическом, разрабатывая принцип *translationese* для погружения читателя в иную культуру.

Далее Исигуро выделяют такие черты японской прозы как преобладание лиризма, настроения и раздумий (“mood and reflection”) и сравнительно незначительную роль тщательно выписанных героев и увлекательного сюжета. Кроме того, он предостерегает читателя от отношения к *settings* как к поверхностным декорациям. По мнению писателя, *settings* создают атмосферу, которая влияет и на восприятие событий, и на судьбы героев. Знаменательно, что, когда у Исигуро спрашивают о месте действий его романов, особенно ранних, «японских», он практически всегда говорит о том, что место действия не имеет для его произведений особенного значения, он выбирает его уже в конце, когда разработаны сюжеты и идеи, задумываясь прежде всего о том, на каком фоне его мысль лучше «срезонирует», яснее дойдет до читателя. Здесь опять чувствуется противостояние писателя навязываемым ему «японским» приоритетам. В одном из интервью он с горечью признается, что напиши он даже «Процесс» (Ф.Кафки), все и тогда считали бы, что это роман об особенностях японской юриспруденции [1, 9]. Впрочем, если сузить понятие *settings* до конкретного интерьера, пейзажа, времени суток, то обнаружим, что такая обстановка важна для Исигуро, как и для японской литературной традиции в целом. Пусть он не знает тонкостей цветовой символики или пейзажной детали, но использование света и тени в его описаниях семантически насыщено. Кроме того, в духе восточной эстетики в его романах разработаны образы героев: их тайные мысли скрыты всегда за невозмутимой оболочкой. Так, в романе «Там, где в дымке холмы» Марико всегда находится в затененной глубине дома, а Сатико, напротив, пьет чай, занимается домашними

делами на веранде, на свету. Марико таким образом представляет темную, скрытую иньскую энергию, пассивность, с которой она противится желанию матери увезти ее из Японии. Сатико же, изображаемая на свету, воплощает активное, деятельное начало; она вовсе не традиционная японка, которой положено покорно скрываться в глубине дома, и готова целеустремленно двигаться в выбранном направлении.

Объясняя японскость, Исигуро подсказывает читателю, как следует читать романы Кавабата – медленно, уделяя внимание тому, как описаны запахи и текстуры. Короткие, насыщенные скрытыми чувствами и смыслами описания, в текстах мастера, по мнению автора «Предисловия», сродни поэзии.

Исигуро оценивает тексты Кавабата с позиции иммигранта, которому в повседневной жизни нередко приходилось сталкиваться с необходимостью пояснять самые заурядные особенности своего, чужого для окружающих, быта, вероятно, поэтому он пишет: “The author may describe the light in the room, or mention the cold breeze blowing through it, but, not assuming Western ignorance, will not bother to describe the room itself. This is a simple but fundamental problem which can seriously disrupt the author's method of sensual evocation and undermine the spell cast by many a scene” [4, 3]. Исигуро отмечает в прозе Кавабата недостаточную «интернациональность» визуальных образов. Он считает, что описания должны быть понятны читателю, принадлежащему к любой культуре, и читателям, незнакомым с обстановкой японского дома, он советует посмотреть фотографии или фильмы, чтобы лучше представлять, где происходит действие романа. С такой критикой сложно согласиться. Ведь если учитывать, что Кавабата – писатель, всю жизнь проживший в Японии и глубоко чтивший японскую литературную традицию, а герой «Снежной страны» – японец, путешествующий в родной стране и уже не в первый раз бывающий в гостинице на горячих источниках, описание вроде того, что предлагает Исигуро, кажется очень искусственным: “By Western standards, a traditional Japanese room will look sparse and unfurnished. Everything will happen at the floor level, and items such as tables, bedding and brazier are introduced only as and when needed. The decor will be simple and stark; the floor will be of square mats (tatami), the walls and sliding partitions of paper and wood. The general impression is one of sparseness” [4, 3]. Человеку, знакомому с интерьером традиционного японского дома, бросается в глаза описание татами как «квадратных матов», ведь, хотя такие тоже изредка встречаются, обычный размер татами 170*85 см, т.е маты прямоугольные; размер татами совпадал с площадью, необходимой для сна одного человека. Так можно лишний раз убедиться, что комментарий к описаниям в «Предисловии» – это взгляд извне, подобный взгляду героя-иностранца, как в романе Исигуро «Когда мы были сиротами», или героя, который много лет не был на родине, как в «Семейном ужине» (*A Family Supper*, 1981) или «Там, где в дымке холмы». Другими словами – это взгляд самого Исигуро, из памяти которого стирается родная культура, но никак не

одного из главных певцов традиции и красоты «старой Японии» Ясунари Кавабата.

В одном из интервью он заметил: «Я читал «Снежную страну» в английском переводе, но мне ее мир кажется действительно смутным, слишком лиричным и малопонятным. К тому же, мне было очень скучно» (цит. по [9, 41]). Исигуро пытается отгородиться от мира Кавабата, вероятно, потому, что не хочет стать чуждым англоязычному читателю в стране, которая стала его домом. У него нет необходимости показывать свою связь с Японией, поскольку ему, как видно в многочисленных рецензиях на «японские» романы, ее настойчиво навязывают.

Важный аспект имагологических наблюдений Исигуро – это его эстетическая оценка китайского декоративного искусства. Японскую эстетику он видит как антитезу китайской, особенно в ее массовом варианте, с позолотой и драконами. Подобное отношение к Китаю обнаруживается и в романе «Когда мы были сиротами» в описании Шанхая как богатейшего и прекраснейшего города, китайское население которого, тем не менее, живет в опиумном бреду и, по мнению героев-европейцев, зачастую не справляется даже с обязанностями прислуги. Кроме того, Китай, начиная с древности и на протяжении столетий, служил основным культурным референтом для Японии и именно через противопоставление китайской цивилизации в значительной мере происходили самоидентификация и осознание японскости. Еще одно характерное для японцев замечание Исигуро: Япония кардинально отличается от того, что мы видим в китайских ресторанах. Здесь проступает усталость писателя от навязчивой стереотипизации образов Востока, ориенталистского смешения экзотических для Запада культур.

В «Предисловии» к романам Я.Кавабата Исигуро обнаруживает глубокое знание и понимание японской культуры, литературы, эстетики. В этих чертах проявляется японская составляющая идентичности писателя. Однако умение посмотреть на восточную культуру со стороны, четко осознать ее инаковость указывают на европейскую перспективу литературно-критических размышлений автора.

Таким образом, Исигуро смотрит на Японию, изображенную Кавабата, одновременно «изнутри» своей материнской культуры и «извне» ставшей своей британской: с одной стороны, в этом проступает знание и понимание японской литературной и художественной традиции, а с другой – писатель ассоциирует себя с западным читателем, для которого некоторые аспекты японской культуры могут быть непонятными, чужими и чуждыми.

Литература

1. Conversations with Kazuo Ishiguro. Ed. by Brian W. Shaffer and Cynthia F. Wong. – Jackson: University Press of Mississippi, 2008. – 230 p.

2. Ishiguro, Kazuo. An Artist of the Floating World. – London: Faber and Faber, 1986. – 206 p.
3. Ishiguro, Kazuo. A Family Supper. [Електронний ресурс] Режим доступу: <www.twirpx.com>
4. Ishiguro, Kazuo. Introduction // Yasunari Kawabata. Snow Country and Thousand Cranes. – London: Penguin Books, 1986. – P. 1-3.
5. Ishiguro, Kazuo. A Pale View of Hills. – London: Faber and Faber, 1992. – 200 p.
6. Ishiguro, Kazuo. When We Were Orphans. – NY: Vintage International, 2000. – 336 p.
7. Lewis, Barry. Kazuo Ishiguro. – Manchester: Manchester University Press, 2000. – 193 p.
8. Takayuki, Hisako. “Japan” for Kazuo Ishiguro. – 育英短期大学研究紀要。第18号(2000年7月)。– P. 15-24.
1. 9. 莊中孝之 「カズオ・イシグロ – <日本>と<イギリス>のから」 – 春風社, 2011. – 276 p.

Анотація

У статті з позицій імагології розглядається написана британським письменником японського походження Кадзуо Ішігуро «Передмова» до англomовного видання вибраних творів японського письменника, Нобелівського лауреата Ясунарі Кавабата. Ішігуро дивиться на Японію, зображену Кавабатою, водночас «зсередини» і «ззовні»: з одного боку, він виявляє знання та розуміння японської літературної та художньої традиції, а з іншого – асоціює себе із західним читачем, для якого деякі аспекти японської культури залишаються незрозумілими. «Передмова» Ішігуро цікава і тим, що її можна розглядати як підказку читачам його ранніх «японських» творів.

Ключові слова: Кадзуо Ішігуро, Ясунарі Кавабата, імагологія, образ, японськість, стереотип.

Аннотация

В статье с позиций имагологии рассматривается написанное британским писателем японского происхождения Кадзуо Исигуро «предисловие» к англоязычному изданию избранных романов японского писателя, Нобелевского лауреата Ясунари Кавабата. Исигуро смотрит на Японию, изображенную Кавабата, одновременно «изнутри» и «извне»: с одной стороны, он обнаруживает знание и понимание японской литературной и художественной традиции, а с другой – ассоциирует себя с западным читателем, для которого некоторые аспекты японской культуры остаются непонятными. «Предисловие» Исигуро интересно и тем, что его можно рассматривать как подсказку писателя читателям своих ранних «японских» произведений.

Ключевые слова: Кадзуо Исигуро, Ясунари Кавабата, имагология, образ, японскость, стереотип.

Summary

The paper is an attempt of the analysis from the positions of imagology of “Introduction” written by the British writer of Japanese origin Kazuo Ishiguro to the English edition of the selected works by the Japanese writer, Nobel winner Yasunari Kawabata. Ishiguro looks at Kawabata's Japan both from “inside” and “outside”: on one hand, he shows knowledge and understanding of Japanese literary and artistic tradition, but on the other – he associates himself with the Western reader for whom some of the aspects of Japanese culture may seem alien. Ishiguro's “Introduction” is also interesting because it can be interpreted as the author's hint on how to read his own early “Japanese” works.

Key words: Kazuo Ishiguro, Yasunari Kawabata, imagology, image, Japaneseness, stereotype.